

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ш. А. БОГИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИММИГРАЦИИ В США

Вопрос об иммиграции в США представляет собою значительную часть проблемы об этногенезе американской нации. Население свое, за исключением коренных жителей, индейцев, страна еще с колониального периода черпала в Европе — среди эмигрантов разных национальностей. Американская нация возникла в конце XVIII в., в период революционной войны за независимость, но в этническом отношении тогда образовалось только ее ядро. Язык этой нации был английским, культура, обычаи, право являлись в основном продолжением английских, однако в людском составе нации английский элемент был только главным, но отнюдь не единственным. Американская нация продолжала развиваться и складываться в этническом отношении на протяжении последующих исторических периодов, пополняясь новыми разнородными элементами, которые перемешивались между собою.

Все нации складывались в свое время из более или менее разнородных этнических элементов, но у наций американского материка этот процесс не закончился еще и поныне, так что американский материк можно считать своеобразной современной лабораторией этногенеза. Нация США отличается особым разнообразием вошедших в нее компонентов.

Иммиграция в США очень мало изучена в советской и зарубежной марксистской литературе. Обильная буржуазная литература по этому вопросу в ряде случаев скатывается к расизму¹. Настоящая статья является попыткой наметить проблемы иммиграции для 1850-х—1860-х гг.—периода второй американской революции. Почти единственным источником иммиграции в этот период была Европа, особенно Ирландия и германские государства.

Экономические и социальные сдвиги, потрясшие Европу в середине XIX в., сопровождались массовой эмиграцией, направлявшейся главным образом в США. Кульминацией этих сдвигов явилась революция 1848—1849 гг. Некоторые буржуазные авторы², проявляя поверхностное понимание революции, оспаривают ее значение для эмиграции.

¹ См., например: J. R. Commons, *Races and Immigrants in America*, New York, 1920; H. P. Fairchild, *Race and Nationality as Factors in American Life*, New York, 1947.

² M. L. Hansen, *The Revolutions of 1848 and German Emigration*, «Journal of Economic and Business History», т. II, № 4, август 1930, стр. 630—633.

Капиталистическое развитие промышленности и сельского хозяйства привело к относительному перенаселению ряда европейских стран. «... именно рост производительных сил,— писал Маркс о современной ему «вынужденной эмиграции»,— требует уменьшения населения и устраняет его избыточную часть при помощи голода или эмиграции»³. Избыточное население образовалось в сельском хозяйстве Англии, Ирландии, немецких, скандинавских и других государств, откуда огораживание и замена земледелия скотоводством, капиталистическое укрупнение ферм и т. п. массами вытесняли крестьянские семьи. Значительная часть этих семей переселялась за океан, и некоторые американские исследователи, например Хансен и Хэндлин⁴, видят в крестьянстве чуть ли не единственный источник эмиграции. Что это не так, можно убедиться хотя бы на примере немецких переселенцев середины XIX в., значительную долю которых составляли ремесленники и рабочие. Особенно много кадровых пролетариев выделяла для эмиграции резервная промышленная армия Англии, самой развитой капиталистической страны того времени. «Эмиграция в Соединенные Штаты поглощала излишек сил европейского пролетариата»,— замечал Энгельс⁵.

Создание к середине XIX в. всемирного рынка означало, что возник и мировой рынок рабочей силы. Этот факт воплотился в массовых переселенческих движениях. «Капитализм создал особый вид переселения народов,— писал Ленин.— Быстро развивающиеся в промышленном отношении страны, вводя больше машин, вытесняя отсталые страны с мирового рынка, поднимают заработную плату выше среднего и привлекают наемных рабочих из отсталых стран»⁶. Этот постоянно действующий стимул капиталистической эмиграции усугублялся в середине XIX в. специфическими обстоятельствами — промышленным кризисом и неурожаем в Европе, особенно упорным неурожаем картофеля, который стал главным предметом питания трудовых масс не только в Ирландии, но и в Германии, Голландии, скандинавских странах. Угнетение — политическое, национальное, религиозное, — вызывавшееся им недовольство и протест, которые часто оказывались субъективными мотивами эмиграции, вытекали из упомянутых выше причин и были теснейшим образом с ними связаны.

Проблема рабочей силы была основной для Америки с самого начала заселения ее европейцами. Когда не удалось попытке поработить коренных жителей, индейцев, стали ввозить рабов из Африки.

Значение иммиграции для всего общественного развития Соединенных Штатов заключается прежде всего в том, что она давала стране главную из производительных сил — рабочую силу. Хотя рабский труд более двух веков соседствовал с иммигрантским, они были антагонистичны, и антагонизм этот являлся одной из сторон того «неотвратимого конфликта», который разрешился в гражданской войне. Иммигранты-фермеры составляли значительную часть тех, кто шел по «американскому пути» развития сельского хозяйства, несовместимому с существованием рабовладельческих плантаций. Иммигранты-рабочие обеспечили развитие фабричной системы промышленности, основанной на наемном труде, который не мог ужиться с рабством.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 567—568.

⁴ См., например: M. L. Hansen, *The Immigrant in American History*, Cambridge (Massachusetts), 1942, стр. 19; O. Handlin, *Race and Nationality in American Life*, Boston, 1957, стр. 236—237.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 48.

⁶ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 89.

В работе «К характеристике экономического романтизма» Ленин, излагая теорию населения при капиталистической системе, писал: «... избыточное население, будучи необходимым результатом капиталистического накопления, является в то же время необходимой составной частью капиталистического механизма»⁷. В случае с американской иммиграцией этот процесс оказался расчлененным в пространстве: будучи «результатом капиталистического накопления» в Европе, часть европейского избыточного населения становилась «необходимой составной частью капиталистического механизма» Америки. Преимущественно иммиграция и дала Америке ту рабочую силу, включая резервную трудовую армию, которая сделала для нее возможными промышленный переворот и быстрое развитие ее промышленности и транспорта.

Америка получала из Европы главным образом взрослое трудоспособное население. Она выгадывала уже на том, что выращивание этих работников не происходило за ее счет. Но кроме того, иммигранты привозили с собой хозяйственный и технический опыт, причем иногда передовой опыт, как было, например, с английскими рабочими и техническими специалистами. Английский ученый Фр. Тислтуэйт заявил даже, что «для новых стран, как Соединенные Штаты в XIX и Канада или Австралия в XX столетии, роль британского техника была так важна, что самое индустриализацию можно представить себе аспектом истории миграции»⁸. Но индустриализацию связывает с историей миграций главным образом роль рабочего-иммигранта.

Экономическому развитию Америки иммигранты способствовали не только как производители, но и как потребители, создавая массовый рынок для растущего сельского хозяйства и для развивающейся промышленности.

Некоторые американские работы создают неверное представление, будто все иммигранты превращались в Америке в сельских хозяев. Так, например, С. Персонз писал: «До гражданской войны главная задача иммигранта была — американизироваться в сельском обществе»⁹. В действительности иммигранты вливались главным образом в ряды американского рабочего класса и составляли едва ли не большую часть его. В Нью-Йорке в 1855 г., например, $\frac{3}{4}$ рабочих были иммигрантами¹⁰. Рабочие-иммигранты выполняли преимущественно тяжелую и неквалифицированную работу и принадлежали к наиболее эксплуатируемой и угнетаемой части рабочего класса США. В наибольшей мере это относится к ирландцам, но распространялось и на иммигрантские массы вообще, также и в последующие периоды. Этому положению соответствовали и условия их жизни. Рабочих-иммигрантов привлекала в Америку относительно более высокая заработная плата, но они обнаруживали, что рабочий день там длиннее, а темпы производства напряженнее, чем, например, в Англии¹¹. Квартирная плата тоже оказывалась выше, чем в Европе, и вносить ее приходилось очень аккуратно во избежание выселения и лишения домашнего скраба. Селилась же иммигрантская беднота в заброшенных и запущенных

⁷ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 171—172.

⁸ F. Thistlethwaite, *Migration From Europe Overseas in the Nineteenth and Twentieth Centuries*, «XI Congrès international des sciences historiques», Rapport V, стр. 44—45.

⁹ S. Persons, *The Americanization of the Immigrant*, в сб.: D. F. Bowers (ed) «Foreign Influences in American Life», Princeton, 1944, стр. 50.

¹⁰ R. Ernst, *Immigrant Life in New York City, 1825—1863*, New York, 1942, стр. 72.

¹¹ R. T. Berthoff, *British Immigrants in Industrial America, 1790—1950*, Cambridge, 1953, стр. 66—67.

зданиях городских районов, малопригодных для жилья. В Нью-Йорке это были неблагоустроенные окраины вблизи строек, предприятий и верфей. Там же возводились многоэтажные и многоквартирные доходные дома казарменного типа для бедняков. Самые неимущие иммигранты сооружали себе по-скваттерски лачуги на незастроенных еще пригородных участках и работали на близлежащих каменоломнях, свалках и т. п.¹²

В иммигрантских районах не хватало воды, санитарное состояние их было плохое. На этой почве множились болезни, вспыхивали эпидемии. Среди иммигрантов смертность, особенно детская, была много выше, чем среди остального населения¹³. Вероятно, по этой причине смертность в Нью-Йорке, почти половину жителей которого составляли иммигранты, была больше, чем во всех других городах США, и почти вдвое выше, чем в Лондоне¹⁴. Когда в 1854 г. возникла очередная вспышка холеры, газета «Нью-Йоркская трибуна» констатировала: «Эта болезнь поражает почти исключительно лиц иностранного происхождения»¹⁵.

«Два обстоятельства долго мешали неизбежным следствиям капиталистической системы проявиться в Америке во всем своем блеске,— писал Энгельс.— Это — возможность легко и дешево приобретать в собственность землю и прилив иммигрантов. Это позволяло в течение многих лет основной массе коренного американского населения еще в расцвете физических сил «отказываться» от занятия наемным трудом и становиться фермерами, торговцами или предпринимателями, между тем как тяжелая работа по найму, положение пожизненного пролетария большей частью выпадало на долю иммигрантов»¹⁶. В этих словах Энгельса содержится существенная мысль о месте иммигрантов в классовой структуре американского общества. Иммигранты-рабочие, составлявшие первый американский кадровый пролетариат, комплектовались из европейских рабочих и европейских же крестьян. Последние таким образом, переселившись в другую страну, переходили и в другой общественный класс. То же происходило с теми немногочисленными европейскими рабочими, которые в США сразу селились на земле и заводили собственные фермы, хотя это было явлением, далеко не типическим. В обоих случаях европейские иммигранты, принадлежавшие на родине к определенным общественным классам, включались в Америке в другие классы, соответственно строению и потребностям американского общества. Когда европейский пролетарий работал по найму в Америке или европейский крестьянин становился американским фермером, такой решительной перемены не происходило. Европейский рабочий продолжал в этом случае трудиться на капиталистической фабрике или мануфактуре — как в Европе. Несколько иначе обстояло дело в сельском хозяйстве. Для немецкого крестьянина, только что покинувшего общину и едва избавившегося от пережитков феодальных повинностей, приобретение фермы в Америке означало значительное ускорение буржуазного развития.

После того как иммигранты так или иначе включались в американскую общественную структуру, дальнейшие классовые изменения в их среде происходили уже в зависимости от процессов классовообразо-

¹² R. Ernst, Указ. раб., стр. 49—50, 400; O. Handlin, Boston's Immigrants, 1790—1865, Cambridge, 1941, стр. 150.

¹³ R. Ernst, Указ. раб., стр. 51, 53; O. Handlin, Boston's Immigrants, стр. 155—156.

¹⁴ A. Ch. Cole, The Irrepressible Conflict, 1850—1865, New York, 1934, стр. 182.

¹⁵ «New York Daily Tribune», 31 июля 1854 г., стр. 4, стлб. 2.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 263.

вания американского общества. Иммигранты-горожане пытались уйти на западные земли, как делали и коренные американские трудящиеся, и подобно им далеко не всегда становились там фермерами-собственниками. Многие оседали в растущих городах Запада, работали на железных дорогах и т. д. Капиталистическая концентрация производства разоряла многих иммигрантов-ремесленников и низводила их до положения рабочих. Иммигрантская буржуазия выделялась преимущественно уже на американской почве. Этому способствовали неустойчивость людского состава классов в американском обществе и быстрый темп экономического развития страны. Образовалась прослойка посредников, раздававших иммигрантам надомную работу¹⁷. Значительна была иммигрантская прослойка мелких торговцев. Иммигрантские предприятия бывали, как правило, невелики — не более 50 рабочих — и имелись преимущественно в легкой и пищевой промышленности. Немногочисленная крупная иммигрантская буржуазия действовала чаще всего во внешней торговле и банковском деле, а капиталы ее были обычно привезены из Европы.

Таким образом, иммигранты органически вошли в хозяйственную структуру американского общества, включились в его классы, отчасти изменили свою классовую принадлежность в соответствии с его строем и продолжали свое социальное развитие согласно закономерностям той стадии, которой достиг тогда капитализм в Америке. В этом и следует искать основу процесса ассимиляции иммигрантов.

История и современность знают множество примеров принудительной ассимиляции. Далее пойдет речь об ассимиляции, в которой нет элементов прямого насилия. В литературе имеется целый ряд определенных ассимиляций, широких и узких. В данной статье делается попытка исходить из того определения ассимиляции, которое дает В. И. Ленин в «Критических заметках по национальному вопросу». Там он характеризует вопрос об ассимиляции как вопрос «об утрате национальных особенностей, о переходе в другую нацию...»¹⁸. Именно так, совершенно конкретно, стоял вопрос для американских иммигрантов в середине XIX в., как, впрочем, и в других странах и в другое время. Переселясь в Америку, иммигранты как бы по инерции стремились сохранить свои национальные особенности, развивать национальные традиции. Однако американское общественное развитие зачастую влекло их в другую сторону. Сохранение прежних национальных особенностей сводилось во многих случаях к попыткам их консервации, более или менее успешным в зависимости от американской обстановки. Так, норвежцы сохраняли песни, сказки и поверья родины¹⁹. Это облегчалось тем, что они жили компактными группами в сельских районах. В первую очередь иммигранты пытались сохранить прежний характер семьи. В среде нью-йоркских иммигрантов смешанные браки были скорее исключением, чем правилом²⁰. У тех же норвежцев не одобрялись смешанные браки, особенно с католиками²¹. Немного было таких браков и среди ирландцев, самой большой иммигрантской группы. Однако жизнь брала свое и неписаное правило все чаще нарушалось — в частности, это было связано с преобладанием числа мужчин над числом женщин в американском населении под влиянием той

¹⁷ O. Handlin, *The Uprooted*, Boston, 1952, стр. 90.

¹⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 123.

¹⁹ Th. C. Blegen, *Norwegian Migration to America*, «The American Transition», Northfield, Minnesota, 1940, стр. 218—219.

²⁰ R. Ernst, Указ. раб., стр. 180.

²¹ Th. C. Blegen, *Grass Roots History*, Minneapolis, 1947, стр. 91.

же иммиграции²². Да и сама семья, которую так берегли иммигранты, зачастую не выдерживала новых условий, особенно среди трудящихся, так как отцы семейств бывали нередко вынуждены работать на стороне²³.

Американская топонимика свидетельствует не только о пестром национальном происхождении современных американцев, но и о стремлении иммигрантов сохранить свои национальные традиции. Пример тому — норвежские географические названия в Миннесоте, немецкие — в Висконсине и множество Лондонов, Женев, Берлинов и т. п. по всей территории США. Пункты с такими названиями возникали, конечно, только там, где иммигранты селились этнически однородными группами, и иногда бывали связаны с попытками создать национальные районы даже с самостоятельной государственностью. Такие попытки предпринимались во всех иммигрантских группах и вызвали даже страх у американских политиков. Конгрессмен Барри говорил в палате представителей в конце 1854 г., когда иммиграция достигла самого высокого уровня: «Истинная опасность заключается в том, что иностранцы скопятся в некоторых штатах Союза, сохраняя язык, нравы и традиции Старого Света, в таких количествах, что искоренят местное население, говорящее на английском языке, и мы можем превратиться в конфедерацию государств, столь же чуждых по происхождению, по языку, обычаям, учреждениям и религии, как отдельные нации, объединенные силой под властью австрийского императора или русского царя»²⁴.

Американское правительство не поощряло территориальное и национальное обособление иммигрантов, но опыт последующих десятилетий показывает, что опасения конгрессмена Барри и ему подобных были даже без этого обстоятельства лишены почвы. В освоении необжитых районов иммигрантам обычно предшествовали коренные американцы, а затем в каждый район быстро проникали люди самого различного национального происхождения, как из американских старожилов, так и из пришлых. Это отнюдь не благоприятствовало образованию в США национальных областей.

Силой, консервировавшей национальные традиции иммигрантов, притом сознательно и целеустремленно, была церковь. Особенно большую и реакционную роль сыграла в этом отношении католическая церковь, действовавшая преимущественно среди ирландцев. Многие буржуазные авторы преувеличивают роль церкви у других национальных групп²⁵. Но протестантская церковь не имела такого влияния, как католическая, и не играла такой роли. Вследствие обилия в ней сект и раздоров между ними она даже разобщала свою паству. Однако церкви всех исповеданий, стремясь сохранить свое влияние на следующее поколение иммигрантов, энергично боролись против преобладавшей в США системы бесплатных государственных школ. Они устраивали церковно-приходские школы с обучением на родном языке (например, у немцев и норвежцев) и убеждали прихожан не посылать детей в общие школы, «безбожные» (по утверждению протестантов) и «еретические» (по утверждению католиков). Это могло серьезно задержать ассимиляцию, но массы иммигрантов, даже католиков, все же посылали детей в общие школы, прежде всего потому, что они

²² R. Ernst, Указ. раб., стр. 179, 180.

²³ Там же, стр. 295.

²⁴ «The Congressional Globe», 33 Congress, 2 Session, т. XXXI, стр. 57.

²⁵ См., например: M. A. Jones, American Immigration, Chicago, 1960, стр. 136; M. L. Hansen, The Immigrant in American History, стр. 136—137.

были бедны, а школы бесплатны²⁶, а затем для того, чтобы дети научились английскому языку²⁷.

Многочисленные национальные организации существовали у всех иммигрантских групп. Национальные профсоюзы и другие рабочие организации имелись главным образом среди немецких и ирландских рабочих, благотворительные же, культурные и другие общества — в каждой группе. Самые крупные и мощные благотворительные общества состояли из богатых буржуа соответствующей национальности²⁸. Вероятно, общества этого рода имел в виду русский вице-консул в Сан-Франциско Клинковстрем, когда предлагал посланнику России в США Стеклю²⁹: «Здесь осмелюсь заметить, что, мне кажется, следует обратить внимание нашего Правительства, чтобы в главных городах Европы и Америки³⁰ полезно учреждать Русские общества, потому, что влияние их сильно на пользу Отечества, примером тому могут служить Германские, Французские, Итальянские, Скандинавские и пр., которые не только влиянием, но и деньгами помогали своим Отечествам во время войны».

Гораздо большую поддержку в иммигрантских низах имели организации, продолжавшие революционную европейскую традицию. Ими обычно руководили участники европейских революций, и они ставили своей целью содействовать революционному движению на родине, используя Америку как базу. Такие организации имелись в немецкой, ирландской и практически во всех других национальных группах.

Кроме обществ, носивших явно выраженный политический характер, имелся целый ряд просветительных и культурных организаций, которые старались хранить и развивать культурные традиции родины. Такие же цели ставили себе и многочисленные иммигрантские газеты. Они уделяли много внимания вестям с родины и вообще европейским темам, но печатали и материалы об Америке, о своей местности и о своей иммигрантской группе, причем доля американских материалов неуклонно возрастала³¹. Иммигрантские газеты держались разных политических направлений. Участвуя в общественной борьбе, которая происходила в Америке, они вовлекали своих читателей в общественную жизнь страны.

На примере иммигрантских газет видно, как стремление отгородиться в национальной самобытности породило противоположный результат — ускорение «перехода в другую нацию», употребляя ленинское определение. Быстрее всего этот переход происходил в городских условиях, в которых оказалась большая часть иммигрантов. «Это — явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира, — писал Ленин. — Крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей национальной пестротой населения»³². Необходимость каждодневно соприкасаться с людьми других национальностей неизбежно вызывала заимствование одних элементов и потерю других, слияние — ассимиляцию. Центр этого процесса следует искать в рабочем классе, к которому принадлежала основная часть городского иммигрантского населения. Местные рабочие и ра-

²⁶ «New York Daily Tribune», 14 августа 1854 г., стр. 4, стлб. 2—3.

²⁷ Th. C. V l e g e n, Norwegian Migration to America, стр. 74, 242—248.

²⁸ R. E r n s t, Указ. раб., стр. 126.

²⁹ Архив внешней политики России, ф. посольства в Вашингтоне, 1865 г., д. 87, л. 480.

³⁰ Так в подлиннике.

³¹ M. L. H a n s e n, The Immigrant in American History, стр. 137.

³² В. И. Л е н и н, Соч., т. 24, стр. 220.

бочие-иммигранты, рабочие разных национальностей трудились вместе, вместе же бастовали, создавали общие профсоюзы, и это их объединяло, несмотря на различия в языке и обычаях. Большинство буржуазных авторов усматривает в отношениях рабочих разных национальностей только соперничество и раздоры. И то и другое действительно происходило, тем более, что усиленно насаждалось капиталистами, но исторически неизбежная тенденция к объединению и слиянию была сильнее.

Лучшей школой классовой борьбы служила стачка, а иммигранты были упорными стачечниками. В стачечных боях, в профсоюзной борьбе, в рабочих организациях формировался американский рабочий класс как субъект классовой борьбы, в них создавалось его классовое единство и преодолевались национальные различия в его среде. Тем самым для большей части иммигрантов решалась проблема социальной ассимиляции. Недаром различные исследователи находят, что «низы» иммигрантов, поддаются ассимиляции легче, чем «верхи»³³.

Самым наглядным образом ассимиляция сказывалась на языке иммигрантов. Под воздействием новых предметов и отношений он сразу же начинал изменяться, главным образом в области лексики. Быстрее всего в него проникали из английского языка Америки названия конкретных предметов, с которыми приходилось иметь дело в повседневном быту и работе. Новые слова вытесняли старые. Более стойкими оказались обозначения абстрактных понятий, религиозные и родственные термины. Но богатая норвежская номенклатура степеней родства в Америке упрощалась³⁴. Словарь американского норвежца, замечает крупный исследователь иммиграции Т. Блеген, непрерывно атрофировался с норвежской стороны и обогащался с американской³⁵. При этом английские слова внедрялись в грамматическую структуру национального языка, приспособлялись к его этимологии и артикуляции. Так происходило в языке немцев, норвежцев и т. д. Но у норвежцев, как и у шведов, дело обстояло сложнее: они продолжали говорить на диалектах родного языка, так как селились землячествами. Наряду с этим у них был и литературный национальный язык, на котором печатались иммигрантские газеты. Английский язык оказывал влияние главным образом на диалекты. В результате происходило объединение и перемешивание диалектов, обогащенных английским языком, и создание на американской почве общего «переходного языка», как выражается Блеген, не понятного ни коренным американцам, ни европейцам³⁶.

Показательна судьба иммигрантских имен. Необычные для американцев имена и фамилии сокращались, упрощались, делались похожими на привычные. Так случилось с фамилией русского иммигранта, генерала гражданской войны в США Ивана Васильевича Турчанинова, который в Америке стал Турчиным (John Basil Turchin)³⁷. Упрощать фамилии случалось даже англичанам³⁸. Ирландцев подчас обвиняли в том, что они стыдятся своего ирландского акцента и изменяют ирландские фамилии³⁹.

³³ R. Linton, *Nativistic Movements*, «American Anthropologist», 1943, т. 45, № 2, стр. 239; Th. C. Blegen, *Norwegian Migration to America*, стр. 82.

³⁴ Th. C. Blegen, *Grass Roots History*, стр. 116.

³⁵ Th. C. Blegen, *Norwegian Migration to America*, стр. 90.

³⁶ Там же, стр. 75—79, 90; Th. C. Blegen, *Grass Roots History*, стр. 113—114; H. L. Менскен, *The American Language*, New York, 1936, стр. 624.

³⁷ А. В. Ефимов, *Очерки истории США*, М., 1958, стр. 358.

³⁸ H. L. Менскен, *Указ. раб.*, стр. 503.

³⁹ «New York Daily Tribune», 13 октября 1852, стр. 6, стлб. 1.

В языковых явлениях отразилась и другая сторона процесса ассимиляции — воздействие иммигрантских культур на культуру, создавшуюся раньше них в Америке. Сам английский язык, так мощно воздействовавший на национальные языки иммигрантов, уже подвергся языковому влиянию прежних иммигрантских поколений, и подобные влияния продолжали изменять его. Ирландцы, английский язык которых был близок к языку XVII в., когда началось их англизирование, и испытал на себе некоторое влияние гэльского языка, укрепили старинные традиции в английском языке Америки. Ирландское влияние сказалось главным образом на произношении и этимологии бытовой речи, оно также усилило экспрессивность языка⁴⁰. Немецкий язык тоже оказал влияние, преимущественно на разговорный народный язык Америки — введением ряда слов и выражений, в особенности относящихся к еде и питью, а также к музыке («Männerchor» — мужской хор, «Sängerfest» — певческий праздник и др.)⁴¹.

Неприметно, как и языковые элементы, внедрялись в жизнь американцев бытовые черты, привнесенные иммигрантами. Норвежцы, например, привезли в Америку лыжи скользящего типа⁴². Разные народы сообщали американскому театру свои театральные сюжеты, характеры, пьесы⁴³. Веселое европейское воскресенье стало в середине XIX в. теснить пуританское⁴⁴ при отчаянном сопротивлении защитников последнего. Яростные нападки на «богохульников» и «осквернителей дня субботнего», которым подвергались немцы и ирландцы, свидетельствовали о шаткости пуританского воскресенья.

Слияние различных этнических элементов американского населения было процессом длительным, многосторонним и противоречивым, причем культурная ассимиляция и физическое смешение отставали от ассимиляции экономической и социальной, которая лежала в их основе. Для иммигрантов процесс этот проходил болезненно, напряженно, трагически. В чужой земле их постигали невзгоды и разочарования. Известно, что многие переселенцы гибли на пути в Америку и очень многие — на американской земле, что они гораздо чаще, чем местные уроженцы, болели туберкулезом и другими недугами. Конечно, это объяснялось материальными лишениями, но также трудностями и напряжением, которые вызывались приспособлением к новой среде и тоской по родине. Недаром среди иммигрантов было столько психических заболеваний⁴⁵.

Проблемы иммигрантского поколения 1850-х — 1860-х гг. были в значительной доле решены гражданской войной. В армии Севера сражалось около 500 тыс. иммигрантов⁴⁶. Общая борьба скрепляла людей разных национальностей; в тылу наблюдалось то же. Американская нация спланивалась в процессе буржуазно-демократической революции, слияние ее составных частей происходило бурно и на качественно высшем уровне, чем прежде. Общественный подъем той поры придал новую силу всем демократическим традициям американского народа, одной из которых было положительное отношение к иммиграции и иммигрантам. В основе этой традиции лежало признание экономиче-

⁴⁰ H. L. Mencken, Указ. раб., стр. 154, 160—162.

⁴¹ Там же, стр. 154—160.

⁴² Th. C. Blegen, Norwegian Migration to America, стр. 573.

⁴³ O. Handlin, The Uprooted, стр. 198.

⁴⁴ A. Ch. Cole, Указ. раб., стр. 235—255; Wittke, We Who Built America, New York, 1945, стр. 186.

⁴⁵ Th. C. Blegen, Norwegian Migration to America, стр. 224—225.

⁴⁶ J. Higham, Strangers in the Land. Patterns of American Nativism 1860—1925. New Brunswick, 1955, стр. 13.

ски основополагающей роли иммиграции для Америки. В республиканской избирательной платформе 1864 г. говорилось, например: «Иностранную иммиграцию, которая в прошлом так сильно приумножила богатство, развитие ресурсов и рост мощи нашей страны — прибежища угнетенных всех стран, — следует поощрять и поддерживать при помощи либеральной и справедливой политики»⁴⁷. Идея прибежища для угнетенных всех стран была излюбленной мыслью передовых людей Америки. Такой они хотели видеть свою страну, такой она им казалась в периоды общественного подъема. Такой хотели ее видеть и иммигранты.

Передовая мысль США считала американский народ сплавом разных народов и приветствовала иммигрантов как новый, формообразующий элемент американской нации. В лекции на тему «Американский дух», прочитанной в 1850 г. в Бостоне, говорилось, что «каждый раз иностранный дух добавляет элемент к американскому духу... Таким образом американский дух обещает быть духом соединенным»⁴⁸. Таких же взглядов придерживалась передовая американская литература. Уолт Уитмэн, например, писал о «нации из многих наций»⁴⁹.

Подобные взгляды выдвигались в борьбе с реакционными шовинистическими течениями, которые к началу 1850-х гг. сильно разрослись и приняли внушительные размеры. Эти течения казались реакцией на небывалый подъем иммиграции в те годы, но в сущности возникали из всей накаленной общественной атмосферы кануна гражданской войны. На основе тайных антииммигрантских обществ, члены которых были обязаны отзывать незнакомые на вопросы об обществе и потому были прозваны «незнайками», возникла так называемая «американская партия». Она была детищем блока крупных буржуа и рабовладельцев, игравших в ней руководящую роль, причем рабовладельцы все более брали верх. Конфликту между Севером и Югом «незнайки» противопоставили призыв к национальному единству в борьбе против «чужаков-иммигрантов». Их вашингтонская газета «Америкен орган» писала в 1854 г.: «Нечего обсуждать вопрос о рабстве»⁵⁰. Для того чтобы заглушить этот вопрос, незнакомки и восклицали: «Ни Запада, ни Востока, ни Севера, ни Юга — только Америка»⁵¹. Движение незнакомки отвлекало внимание масс от вставшего в тот период во весь рост вопроса о рабовладении. Их стратегический план заключался в том, чтобы, прикинувшись нейтральными в вопросе о рабовладении, помочь рабовладельцам.

Лицо «незнайства» определяла крикливая, громогласная антикатолическая пропаганда, направленная преимущественно против ирландских иммигрантов. Идеологически это течение брало свое начало в воинствующем протестантизме, которое и в Англии XVI—XVII вв., и в Америке XVII—XVIII вв. было связано со становлением наций и формированием буржуазного национализма. Почти во всех протестантских церквях Америки раздавались в 1850-х гг. антикатолические проповеди⁵². Все это дает американским католическим авторам, вплоть до современных⁵³, повод рассматривать «незнайство» как момент истории

⁴⁷ Ch. A. Beard, M. R. Beard, *The Rise of American Civilization*, New York, 1942, т. 2, стр. 110.

⁴⁸ «New York Daily Tribune», 4 декабря 1850 г., стр. 7, стлб. 4.

⁴⁹ W. Whitman, *Leaves of Grass*, Moscow, 1936, стр. 60.

⁵⁰ «New York Daily Tribune», 8 декабря 1854 г., стр. 4, стлб. 5.

⁵¹ C. Beals, *Brass-Knuckle Crusade. The Great Know-Nothing Conspiracy 1820—1860*, New York, 1960, стр. 15.

⁵² Там же, стр. 31.

⁵³ Например, C. J. Barry, *Some Roots of American Nativism*, «The Catholic Historical Review», июль 1958, стр. 137—146.

религий и религиозной борьбы, что выхолащивает его социальную сущность. Существенной стороной незнакомства была травля европейских революционеров-иммигрантов, главным образом участников германской революции 1848 г., за «безбожие» и особенно за ненависть к рабству.

Влияние незнаек, пытавшихся создать отдушину для народного возбуждения в травле иммигрантов, оказалось недолговечным. Назревание кризиса по основному вопросу жизни страны — вопросу о рабстве — разрушило их влияние и обусловило их внутренний раскол. Незнайки сошли со сцены, не добившись, казалось бы, ничего ощутительного. Но внедрившийся ими дух национальной вражды, террористические методы, отравленное оружие демагогии нашли продолжателей в последующие исторические периоды. И Ку-клукс-клан, и расистские кампании вплоть до наших дней — сродни «незнайству» и несут в себе его традиции. Незнайка культивировало в американском народе национальную рознь и дискриминацию, отравляло ими рабочий класс, что нанесло большой вред рабочему движению. И в самой иммигрантской среде оно вызвало отрицательные последствия.

Травля восстанавливала иммигрантов против местных уроженцев, в том числе и против принадлежащих к тому же классу, обособляла иммигрантские национальности и объединяла иммигрантов одной и той же национальности, невзирая на классовые различия. Тем самым притуплялась классовая борьба внутри каждой иммигрантской группы, укреплялось влияние в ней буржуазии, церковников, реакционных элементов. Незнайка способствовало задержке роста немецкого рабочего движения в США в 1850-х гг. Самым серьезным образом сказалось оно на ирландской национальной группе, укрепив влияние в ней реакционного католического духовенства и ослабив прогрессивные элементы. «Если бы католической иерархии нужно было изобрести план с особой целью усилить свое влияние на католиков нашей страны и увеличить их число, — писала «Нью-Йоркская трибуна», — она не могла бы на пасть на более действенное средство, чем незнайка и его естественные плоды»⁵⁴.

Национальная дискриминация тормозила ассимиляцию. Незнайка противодействовало ассимиляции, оно было самым сильным антиассимиляционным фактором, и гражданская война, положив конец незнакомству, быть может, именно этим более всего ускорила процесс ассимиляции.

Если Соединенные Штаты периода гражданской войны можно было «рассматривать как колонию Европы»⁵⁵ в экономическом отношении — в том смысле, что они заселялись выходцами из Европы и из Европы же черпали капиталы (отчасти привозимые иммигрантами), то и в социальном и идеологическом отношении они тоже были еще в то время до известной степени колонией Европы. Иммигранты середины XIX в. принесли в Америку опыт и традиции революций 1848—1849 гг. и всех европейских прогрессивных движений, а также отчасти их кадры и тем обогатили социальное развитие США. Прежде всего это относится к рабочему движению. Английские рабочие — англичане, шотландцы, валлийцы, ирландцы, прошедшие школу английской промышленности, привезли в США свои традиции профсоюзного движения и отчасти борьбы чартистов. Многие стали профсоюзными организаторами. Английские рабочие играли видную роль главным образом в экономической борьбе американского рабочего класса. Самый большой вклад в

⁵⁴ «New York Daily Tribune», 22 ноября 1854 г., стр. 4, стлб. 3.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 462, прим. 234.

американское рабочее и социалистическое движение сделали, однако: представители немецкого рабочего класса. Они принесли в Америку марксизм, в распространении которого большую роль сыграли И. Вейдемейер, Ф. Зорге, деятели Клуба коммунистов и т. д. Благодаря большей идеологической зрелости и политическому опыту немецкие рабочие смогли сыграть активную роль и в экономической борьбе рабочего класса⁵⁶. Наряду с немецкими и другими национальными по составу профсоюзами возникали немецко-ирландские и другие профсоюзы рабочих разного национального происхождения. В них сплавлялся воедино американский рабочий класс, в этом была перспектива его развития. «Коалиция немецких рабочих с ирландскими,— писал Маркс в 1870 г. своим американским соратникам,— (конечно также и с теми английскими и американскими рабочими, которые на это согласятся) — такова важнейшая задача, которую вы можете теперь осуществить»⁵⁷.

Опытные кадры рабочего движения, большая классовая сознательность, политическая и идеологическая зрелость, наконец, сам массовый приток новых элементов, составивших значительную долю рабочего населения,— все это, несмотря на трудности объединения рабочих, говоривших на разных языках, вопреки политике стравливания рабочих разных национальностей, которая практиковалась капиталистами, подняло американское рабочее движение на новую ступень, результаты чего сказались сразу после гражданской войны.

В подавляющей своей части — в большей, чем местные уроженцы,— иммигранты принадлежали к трудовым слоям: рабочему классу, фермерству, ремесленникам. Фермеры же,— не говоря о рабочем классе,— были кровно заинтересованы в победе буржуазно-демократической революции. Из этого и вытекала их политическая ориентация в рассматриваемый период. По самому своему положению иммигранты не могли быть сторонниками рабства. В основном это и определяло их общественную позицию накануне и во время гражданской войны. Рабочие и фермерские иммигрантские массы сыграли большую роль в избрании Линкольна президентом, чему немало содействовали американские марксисты⁵⁸. И с начала гражданской войны иммигранты приняли в ней самое горячее участие. Патриотический призыв защитить государственное единство федерации нашел у них, пожалуй, больший отклик, чем у местных уроженцев: иммигранты в отличие от коренных жителей не были патриотами того или иного штата, для них реальностью было государство в целом. И, разумеется, передовая часть иммигрантов сознательно шла на войну ради искоренения рабства. Для многих эта война была продолжением боев 1848—1849 гг. На фронт отправлялись особые немецкие, ирландские и другие национальные полки. Множество иммигрантов входило и в общие военные части. В прогрессивном отношении иммигрантов к гражданской войне бывали исключения, и обычно под давлением реакционных национальных церковных организаций — это относится к части католиков-ирландцев, католиков-немцев, лютеран из скандинавских стран. Однако в целом развитию буржуазно-демократической революции и переходу гражданской войны на революционный этап способствовал, как указывает У. З. Фостер, «нажим..., оказанный.. белыми рабочими — особенно иммигрантами»⁵⁹.

⁵⁶ См., например: R. Ernst, Указ. раб., стр. 110, 182.

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 52.

⁵⁸ W. Foster, History of the Communist Party of the United States, New York, 1952, стр. 44.

⁵⁹ Там же, стр. 44.

Период гражданской войны и ее кануна можно считать решающим для этнического складывания американской нации. Иммиграция, струя которой после окончания наполеоновских войн все усиливалась, к середине века превратилась в бурный поток. За десятилетие, предшествовавшее гражданской войне, она выросла почти вдвое. Накануне войны иммигранты первого поколения составляли 13—14% населения. На этом уровне и держалась доля иммигрантского населения США шесть десятилетий — вплоть до практического запрещения иммиграции законом. По количеству вновь прибывших иммиграция последующих лет превышала иммиграцию кануна гражданской войны, но никогда оно не было столь значительным по отношению к наличному населению. Ни раньше, ни позже население США не обновлялось в такой степени и за столь короткий срок благодаря притоку иммигрантов. Этот важнейший период иммиграции в США лежит между эпохой революций 1848—1849 гг. в Европе и второй американской революцией.

Ассимиляция иммигрантов означала и их влияние на окружающее население, но преобладающим оказывалось влияние уже сформировавшейся американской нации на новые этнические элементы. Ассимиляция облегчалась тем, что ни одна этническая группа не составляла большинства в определенном районе. Это ускоряло и физическое смешение и взаимодействие культур. В американской культуре, как и в американской нации, переплелись различные этнические элементы и традиции. В 1850-е годы прошлого века «Нью-Йоркская трибуна» уже могла писать об «этом огромном сплаве, называемом американским народом»⁶⁰.

Социальная и культурная ассимиляция следующих после гражданской войны поколений иммигрантов происходила уже несколько иначе, потому что ее определяли другие условия, иная стадия общественного развития. Быть может, разницей в уровне социально-экономического развития страны эмиграции и страны иммиграции можно объяснить единственное существенное различие между иммиграцией «старой» и «новой»⁶¹. Иммигранты конца XIX — начала XX в. выталкивались из Европы теми же приблизительно процессами, что и переселенцы рассматриваемого в настоящей работе периода. Но они уезжали из отсталых по тому времени стран, а США после гражданской войны быстро двинулись вперед в капиталистическом развитии и вступили затем в период империализма. Разница и соответственно перестройка оказались гораздо более значительными, и в этом, а не в расовых и этнических особенностях, столько обыгрывавшихся буржуазно-националистической пропагандой и легших в основу расистской иммиграционной политики США в XX в., заключается принципиальное отличие между иммиграцией рубежа XX в. и иммиграцией середины XIX в.

17-й съезд коммунистической партии США определил американскую нацию как «исторически возникшее национальное образование, сплав более или менее различных национальностей»⁶². Сплав этот и до наших дней еще не затвердел. Американская нация молода, и еще можно, как при геологическом исследовании, проследить образующие ее «пласты». Хотя массовой иммиграции в США уже 30 лет не происходит, ассимиляция прежних поколений иммигрантов и слияние всех этнических элементов далеко не завершены. При всей противоречивости этого

⁶⁰ «New York, Daily Tribune», 3 ноября 1852 г., стр. 4, стлб. 4.

⁶¹ Так принято в американской буржуазной литературе называть соответственно иммиграцию до 80-х гг. XIX в., шедшую главным образом из Северо-Западной Европы, и после того — из Южной и Восточной Европы.

⁶² «Political Affairs», февраль 1960 г., стр. 43.

процесса, при мучительности его для участников, при национальной дискриминации, которая сопровождает все антагонистические общественные формации,— он исторически прогрессивен. Ленин писал об ассимиляции в США: «Штат Нью-Йорк... походит на мельницу, перемалывающую национальные различия. И то, что в крупных интернациональных размерах происходит в Нью-Йорке, происходит также в каждом большом городе и фабричном поселке.

Кто не погряз в националистических предрассудках, тот не может не видеть в этом процессе ассимиляции наций капитализмом величайшего исторического прогресса...»⁶³.

В другом месте той же работы Ленин указывал: «Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм»⁶⁴.

SUMMARY

Considered in the article is the problem of immigration to the USA, which constitutes an important aspect of the problem of the ethnic origin of the American nation. Of crucial importance from the qualitative and quantitative point of view, were the 1850's and 1860's — the period of the Civil War and the years immediately preceding it. The immigrants' incorporation into different classes of American society (the majority found themselves in the ranks of the working class) conditioned their social assimilation, which furnished the basis for cultural assimilation. The Civil War, by cementing the American nation, accelerated the assimilation of immigrants and raised this process to a new, higher level

⁶³ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 126.

⁶⁴ Там же, стр. 125.